

СИНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

Синонимы, как известно, являются одним из ярких показателей богатства любого языка. Также неприемлема без грамотного употребления синонимов правильная речь. Однако наилучшим образом синонимические средства языка раскрывают свой потенциал в художественном тексте. Именно в литературном произведении читателю предоставляется возможность оценить индивидуальный стиль писателя, который формируется тем набором языковых средств, который использует автор в своем творчестве.

Любой художественный текст насыщен прежде всего выразительными средствами языка, благодаря которым может быть создан тот эффект, которого добивается мастер слова. Наряду с тропами работают и синонимические средства языка. Более того, синонимы зачастую одновременно выступают как образные средства языка (например, эпитеты, сравнения, перифразы и др.), что придает художественному тексту особую насыщенность и выразительность. Синонимы могут также использоваться писателем для создания литературного образа, для характеристики персонажа, причем как положительной, так и негативной. Рассмотрим такую функцию синонимов в произведениях И. Бунина.

Так, например, в предложении *Он был добрый, сердечный юноша, и всё-таки тут он просто врал себе* [2, с. 399] И. Бунин, употребляя синонимы *добрый, сердечный*, во-первых, характеризует своего героя с положительной стороны, во-вторых, выражает собственное к нему отношение. Кроме того, употребляя в одном предложении два синонимичных слова рядом, писатель стремится передать это свое мнение читателю. В основе значений указанных прилагательных лежит понятие отзывчивости, искренности, готовности помочь другим людям. В предложении *Только брат Николай был вежливым и любезным* [2, с. 531] слова *вежливый* и *любезный* сближаются в значении «учтивый», следовательно, вступают в синонимические отношения. В данном предложении, в отличие от первого, где синонимы характеризуют личностные качества литературного героя, употребленные И. Буниным синонимичные прилагательные относятся к человеку, соблюдающему принятые в обществе нормы поведения.

Употреблением контекстуальных синонимов *ровная, спокойная* в сочетании со словами *как всегда* И. Бунин подчеркивает постоянство характера героини и особенности ее характера: *Он был особенно жалок в это утро, и хозяйка, как всегда ровная, спокойная, искоса поглядывала на него* [2, с. 613]. Слово *ровный* синонимизируется со словом *спокойный* не в прямой значении, а переносно. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова наблюдаем толкование этих прилагательных: *ровный* – постоянно одинаковый и спокойный, уравновешенный [5, с. 673]; *спокойный* – исполненный спокойствия, ведущий себя тихо, не раздражающийся [5, с. 747].

Довольно интересный синонимический ряд с доминантой *добрый* употребляет писатель в своих рассказах: *добродушный, беззлобный, милостивый: Нет, неправда, он хороший, он несчастный, но он добродушный и беззлобный* [2, с. 685]; *Она шептала и крестилась, точно беседовала с кем-то добрым и милостивым* [2, с. 151]. Прилагательное *милостивый* имеет значение «доброжелательный, ласково-благосклонный» и поэтому является синонимом к слову *добрый*. Тот, кто проявляет человеколюбивое отношение к окружающим, всегда душевный, добрый, благосклонный к другим людям, в том числе и к их неправильным поступкам. Такой человек живёт по христианским заповедям, поэтому быть милостивым, то есть не осуждать ближнего, оказывается для него нормой поведения. Отметим, что уже в древнерусском языке существовало много слов, обозначающих нравственные нормы человеческой жизни. Такие слова по своей семантике тесно примыкали к богослужебной

лексике. Христианская религия проповедовала идеалы добра, моральной чистоты, честности, что выражалось в древнерусском языке словами *благородьство, благочестие, красножитие, чистота, честьность, реснота* и другими [3, с. 47]. Конкретные черты, свойственные богопослушному, доброму человеку, обозначались словами *безълобие, братолюбие, доброта, кротость, люботрудие, послушенство, смирение, уничижение, целомудрие* [там же]. Конечно, все эти слова не являются синонимами, но, судя по употреблению и семантике, можно предположить, что уже в древнерусском языке сложился достаточно полный синонимический ряд с доминантой *доброта*: *доброта, безълобие, благородьство, благочестие, кротость*.

В современном словаре синонимов представлен следующий ряд: *доброта, добродушие, благодушие, добросердечие, добросердечность, мягкосердечие, мягкосердечность* [1, с. 123].

Сближаются по семантике у И. Бунина и слова *невинный, простосердечный*: *Был он тогда ещё совсем мальчик, невинный, простосердечный* [2, с. 302]. В данный контекст включены также слова *тогда, совсем еще мальчик*, подчеркивающие изначальную невинность ребенка, душа которого еще не отягощена грехом, обманом, подлостью.

В произведениях И. Бунина можно наблюдать также синонимы, характеризующие литературного героя с негативной стороны: *Ужасную неприязнь возбуждал Мельник: весь какой-то дохлый, чахлый, хилый* [2, с. 463]. В данном контексте мы наблюдаем употребление семантико-стилистических синонимов. С функционально-стилистической точки зрения компоненты приведенного ряда следует отнести к разговорно-просторечной лексике. Употребление стилистически сниженных слов позволяет писателю передать особую неприязнь, которую вызывает описанный им персонаж.

В предложении *Вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась в нечто грозное, самое великое и значительное во всём мире* [2, с. 190] две синонимичные пары слов вступают в антонимические отношения, и здесь мы наблюдаем оппозицию *жалкая* и *забитая* – *великое* и *значительное*. Безусловно, в данном случае можно говорить лишь о контекстуальной антонимии, однако именно такое словоупотребление как нельзя лучше дает эффект контраста. Синонимы *жалкая* и *забитая* в общем значении «запуганный» противопоставляются синонимам *великое* и *значительное* в значении «превосходящий кого-нибудь». Такое употребление синонимов выражает нравственное преображение человека, обретение им внутренней силы для дальнейшей жизни.

Интересный стилистический эффект дает употребление в одном ряду контекстуальных синонимов *благообразное, холёное, молочное*: *Мне было очень неприятно его благообразное, холёное, молочное лицо* [2, с. 521]. Обычно молочный оттенок белого цвета ассоциируется с чем-то приятным, свежим и чистым, но в приведенном контексте прилагательное *молочный* имеет негативный оттенок. Лицо у человека молочное не потому, что отражает внутреннюю чистоту и свежесть, а потому, что холёное, то есть ухоженное до невероятной степени. Читатель может предположить, что за холеным лицом персонажа скрываются не совсем чистые помыслы и, возможно, поступки. Даже слово *благообразное* в данном контексте передает неискренность литературного героя и поневоле вызывает отторжение. У читателя возникает ощущение, что речь идёт о хитром, неприятном человеке. Подобный эффект, когда лексемы с положительным эмоциональным оттенком выражают отрицательную экспрессию, вероятно, можно объяснить тем, что указанные, казалось бы, положительные качества в человеке присутствуют с избытком, сверх меры, следовательно, вызывают неприязнь, как вызывает неприятные ощущения что-то чрезмерно слащавое и лицемерное.

Интересным образом И. Бунин характеризуют свободолобивую натуру человека: *В этих чёрных глазах, в жёстких волосах, в кудрявой бороде – во всём чувствовался дикий и степной человек* [2, с. 52]. Прилагательное *степной* ассоциируется со свободой, с волей, с

простором, не скованным цивилизацией, а *дикий* в данном контексте имеет значение «свободный», «ничем не ограниченный», следовательно, указанные лексемы являются контекстуальными синонимами. Подобное понимание свободы находим у Д. С. Лихачева: «Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем... Воля вольная – это свобода, соединенная с простором...» [4, с. 422].

В данном случае в состав синонимического ряда с доминантой *свободный* слова *дикий* и *степенной* входят в качестве контекстуальных синонимов, которые сближаются в семантике с доминантой лишь на основе ассоциативных связей.

Таким образом, можно сказать, что И. Бунин – истинный художник слова – мастерски пользуется синонимическими ресурсами языка не только для описания внешности персонажа, но и для передачи его внутреннего состояния, для характеристики душевных качеств литературного героя.

Литература

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М.: Советская энциклопедия, 1968.
2. Бунин, И.А. Избранные сочинения / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1984.
3. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / Рэд. А.Я. Баханькоў, А.І. Жураўскі, М.Р. Суднік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970.
4. Лихачев, Д.С. Избранные работы: в 3 т. / Редкол.: Т. Мельников (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Художественная литература, 1987. – Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси; Монографии; Заметки о русском. – 1987.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 5-е изд. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1963.